

В.П. Степаненко

КНЯЖЕСТВО РУБЕНИДОВ КИЛИКИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 20–30-е ГОДЫ XII в.

Колоссальные этнические изменения, которые претерпела в XII в. Малая Азия вследствие сельджукского завоевания региона, привели к тому, что на территории Киликии, преимущественно в горной ее части оседают эмигранты и депортанты из Закавказья и центральных районов Малой Азии, где в 20–80-е годы осуществляли княжества экс-царей Армении, переселенных сюда имперской администрацией Византии¹. Начальный период формирования в Киликии армянской государственности, как и происхождение одной из правивших здесь династий, Рубенидов, в силу их кажущейся незначительности на фоне тех огромных потрясений, которые принесло на Ближний Восток сельджукское завоевание, почти не получил отражения в современных им источниках². Как бы то ни было, крестоносцы застали в Горной Киликии княжества Рубенидов, Ошинидов и ряд других.

Приток армян в Киликию продолжался на протяжении всего XII в. уже потому, что после аннексии графством Эдесским приевфратских армянских княжеств, чему немало способствовали Рубениды, киликийские княжества остались единственными армянскими государствами Ближнего Востока. Но сохранение независимости самим княжеством Рубенидов было во многом связано с географическим фактором: оно занимало наиболее труднодоступные районы Горной Киликии. До поры до времени это обеспечивало относительную безопасность княжества, на которое не претендовали ни сельджуки, захватившие в 1084 г. Равнинную Киликию, ни крестоносцы, введшие свои гарнизоны в ее города в 1097 г. Показательно, что после стабилизации обстановки в регионе вследствие образования малоазийских эмиратов и государств крестоносцев географическая изоляция стала существенным препятствием для дальнейшего развития княжества Рубенидов, к тому же около 1100 г. после смерти князя Константина распавшегося на два удела его сыновей Тороса и Левона. Единственным средством преодоления этой изоляции стал выход княжества на средиземноморское побережье, захват богатых портов Равнинной Киликии – Тарса, Аданы и Мамистры, где армянское население также было многочисленным, о чем сообщают ла-

¹ См.: *Dedeyan G. L'immigration armenienne en Cappadoce au XI siècle // Byzantion. 1975. Bd. 45. P. 41–116.*

² К сообщениям поздних авторов следует относиться осторожно, так как к концу XII в. Рубениды обзавелись генеалогией, возводившей их если не к последнему шаханшаху Ани Гагику II, то по меньшей мере к полководцу Рубену, причисленному к его окружению: См.: *Adontz N. L'aieul des Roubeniens // Byzantion. 1935. Bd. 10.1. P. 185–190; Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 81–87; Кесунци З.-Е.А. Киликийское армянское княжество в политической жизни Ближнего Востока. 1080–1137. Бейрут, 1974; Kazdan A.P. Deux corrections ou deux personnages inconnues de l'histoire armeno-byzantines // Byzantion. 1972. Bd. 42. P. 602.*

тинские хронисты³. Но когда Рубениды оказались готовыми к этому, Равнинная Киликия уже стала объектом борьбы более сильных соседей – Византии и Антиохийского княжества.

Между 1098–1104 гг. борьба шла с переменным успехом, но вследствие войны 1107–1108 гг. Равнинная Киликия надолго вошла в состав Антиохийского княжества⁴. Лишь в 1137 г. Византия смогла отвоевать ее, захватив и княжество Рубенидов. К этому времени Левон I уже отвоевал у Антиохийского княжества Равнинную Киликию и успел утратить ее. Успеху Рубенида способствовал не только внешнеполитический фактор – внутривосточная борьба в Антиохийском княжестве после гибели Боэмунда II (1130), но и возрождение княжества Рубенидов после того, как вследствие убийства в Аназарбе сына и наследника Тороса I Константина его дядя Левон I объединил под своей властью оба удела, свой и брата, воссоздав княжество как единое целое⁵. Только после этого княжество стало способно проводить активную внешнюю политику. Показательно, что объединение обеспокоило соседей, князя Антиохии и эмира Данышменда. Конница эмира и возглавляемый князем отряд вассалов вторглись на территорию княжества Рубенидов и столкнулись на равнине около его столицы Аназарбы. Князь погиб в сражении. Предпочитая напасть на слабейшего, Левон разбил остатки антиохийского отряда в районе Портеллы⁶.

Таким образом, до 1130 г. говорить о единой внешней политике княжества не приходится. Интересы же удельных владетелей, Тороса и Левона, зачастую не совпадали. Известно, что Левон поддерживал контакты с владетелем крупнейшего из армянских княжеств Приевфратья Василом Тга и вел переговоры о браке с ним своей дочери⁷. Торос же приказал схватить Васила во время его пребывания в Киликии и выдал его графу Эдессы Бодуэну Буржскому, принудившему князя под пытками сдать ему свои крепости. Показательно, что после этого Васил ушел с азиатской конницей в Византию, став родоначальником семьи Кокковасилиев⁸.

Статус Тороса и Левона до 1130 г. известен недостаточно. В.С. Шандровская приписала Торосу моливдовулы севаста Феодора Рупения⁹. Как вассалы Алексея Комнина упомянуты оба брата в тексте Деволского договора 1108 г.¹⁰ Но после того, как империя потерпела поражение от Антиохийского княжества и утратила Равнинную Киликию, а значит и общую границу с уделами Рубенидов, фактический статус последних не совпадал с юридическим. При том, что в Константинополе их продолжали рассматривать как вассалов василевса, их фактическая независимость от Византии после 1108 г. очевидна. Показательно, что усиление Антиохийского княжества вынудило Тороса I ориентироваться на графство Эдесское, что показали события 1116 г., тогда как Левон в 1118 г. участвовал в походе князя Антиохии Рожера на г. Азиз¹¹. Следовательно, говорить о единой внешней политике уделов до 1130 г. не

³ См.: *Alberti Aquensis Liber christianae expeditionis* // RHCocc. Т. 4. Р. 345.

⁴ См.: *Степаненко В.П., Шорохов А.В.* К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию 1097–1118 // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 145.

⁵ *Vahram d'Edesse. Chronique rimée des rois de la Petite Arménie* // RHC. DA. Т. 1. Р. 500.

⁶ *Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199)* / Ed. et trad. par J.M. Chabot. P., 1905. Т. 3. Р. 227.

⁷ *Маттэос Урхайеци.* Хронография. Вагаршапат, 1898. С. 324.

⁸ См.: *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 42.

⁹ *Шандровская В.С.* Из истории армяно-византийских отношений в XII в.: По данным сфрагистики // ВОН АН Арм.ССР. 1974. 4. С. 36–42.

¹⁰ См.: *Степаненко В.П.* Мараш и графство Эдесское в Деволском договоре 1108 г. // ВВ. 1987. 48. С. 60.

¹¹ *Маттэос Урхайеци.* Хронография. С. 324. В то же время Аплгариб Пахлавунни, чьи владения в Приевфратье захватил граф Эдессы, ушел в 1117 г. к Торосу в Аназарбу (Там же. С. 351).

приходится. Лишь после их объединения под властью Левона I и гибели Боэмунда II при Аназарбе Рубенид смог в короткие сроки отвоевать у Антиохийского княжества Равнинную Киликию (1132–1135). Отношения же уделов с малоазийскими эмиратами известную неизмеримо хуже.

Известно, что на территории Малой Азии после 1071 г. образуются сельджукские Румский султанат и эмират Данышмендов Севастии. Утрата Византией ее малоазийских фем, на месте которых и образовались данные государства, была закреплена соглашением Алексея Комнина и султана Рума Сулеймана ибн Кутлумиша на р. Дракон (весна 1081 г.). Как следствие, по крайней мере до начала XII в., политическую ситуацию в регионе определяла борьба между Румом и эмиратом Данышмендов при эпизодическом вмешательстве с нее Византии, поглощенной своими балканскими проблемами. Так, после смерти в 1106 г. Малика Гази Данышменда Сельджукид Килич Арслан I смог отнять у его преемника Мелитену, отданную в удел младшему сыну султана Тогрул Арслану¹². Между 1106–1107 гг. гегемония Сельджукида в Малой Азии была неоспорима. В 1107 г. он предпринял попытку закреплиться в Месопотамии, ранее стовишную жизни его отцу Сумейману, осаждал Эдессу, ввел свои гарнизоны в Харран и Мосул, вмешавшись в борьбу его атабеков. Но в битве при р. Хабур армия султана была разгромлена войсками коалиции владетелей Джазиры, Диар Бакра и Сирии. Сам он погиб. В Руме началась борьба за власть его сыновей (1107–1127). В ходе ее первого этапа к власти пришел старший сын султана Мелик-шах, в оппозиции которому оказались младшие братья Масуд и Араби. Данышменд Амир Гази Гюмюш Тегин воспользовался усобицей для того, чтобы восстановить свои позиции на востоке полуострова и вернуть утраченные города. С этой целью он поддержал претензии на престол Масуда. Пытаясь привлечь на свою сторону тюркскую кочевую аристократию, Мелик-шах возобновил набеги на византийское пограничье. Против султана был вынужден выступить сам Алексей Комнин. В 1117 г. в ходе кампании против империи Мелик-шах был свергнут Масудом и убит¹³. Масуд пришел к власти при активной поддержке Данышменда Амир Гази, стремившегося вернуть утраченные в 1106 г. города, включая Мелитену, и обеспечить безопасность своих западных границ, в частности районов Кастамона и Гангр. В контексте данных событий следует рассматривать столкновение Амир Гази, Масуда и атабека султана Мелитены Тогрул Арслана Артукида Балака ибн Бахрама с эмиром Ани-Камаха Ибн Мангучаком и его союзником, мятежным (?) византийским дукой Трапезунда Константином Гаврой¹⁴. Лишь гибель Артукида при Мембидже (1124) развязала руки Данышменду, наконец-то преуспевшему в захвате Мелитены.

С 1119 г. начинаются малоазийские походы преемника Алексея Комнина Иоанна II. Уже весной император совершил первый поход во Фригию. Поводом для него явились нарушения Масудом перемирия 1116 г. и сельджукские набеги на долину р. Меандр. Военные действия велись во Фригии и Памфилии, где у тюрков были отвоеваны Лаодикея, Созополь и ряд других крепостей. Но появление на Балканах печенегов вынудило Иоанна II прервать поход и возвратиться в Константинополь.

После 1124 г. начался третий этап усобицы в Руме, где против Масуда выступил его младший брат Араби. В этой борьбе приняли прямое участие эмират Данышмендов и княжество Рубенидов – удел Тороса I и косвенное Византия. На этот раз султан потерпел поражение и бежал в Византию, а затем, получив поддержку от Ио-

¹² См.: *Chronique de Michel le Syrien*. P. 193–194; *Chalandon F.* Les Comnènes: Études sur l'Empire Byzantin au XI–XII siècles: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1912. P. 81–82.

¹³ *Анна Комнина*. Алексиада / Вступ. ст., пер. и коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965. С. 414–415.

¹⁴ *Michel le Syrien*. *Chronique*. P. 205.

анна II (Михаил Сириец пишет о золоте¹⁵), нанес поражение брату, в свою очередь бежавшему в Киликию к Торсу I Рубениду. В 1127 г. Сельджукид возобновил борьбу за власть, “объединил тюрок и армян” и в ряде сражений разбил полководцев старшего союзника Масуда Данышменда Амир Гази Гююш Тегина Данышменда. Лишь в сражении с самим эмиром Араби потерпел поражение, бежал в Византию, где и умер.

Внутриполитическая борьба в Руме, вовлеченность в нее эмирата Данышмендов надолго сняли угрозу с их стороны малоазийским фемам Византии. Поэтому до лета 1124 г. занятый борьбой с печенегами, а затем с Венгрией (1127–1129), в духе традиционной для империи политики “борьбы с варварами руками самих же варваров” Иоанн II ограничился поддержкой Масуда, а затем предоставлением убежища Араби для того, чтобы продлить состояние усобицы в Руме и парализовать тем самым возможные враждебные действия с его стороны, в то время как сам император с армией воевал на Балканах.

Между тем поддержка, оказанная Торосом I Араби продемонстрировала эмиру Данышменду, что Рубенид представляет определенную опасность как для собственных владений, так и для его планов на востоке полуострова у границ Киликии. Поэтому переворот в Аназарбе и объединение уделов под властью Левона I, что несомненно усилило бы его позиции, вызвали острую реакцию с его стороны. К столице княжества Аназарбе была брошена конница Данышменда, столкнувшаяся здесь с отрядом князя Антиохии Бозмунда II, также не желавшего объединения уделов Рубенидов (1130). Гибель князя привела к длительной усобице в Антиохии (1130–1136), чем и воспользовался Левон I, отвоевавший у Антиохийского княжества Равнинную Киликию. Данышменд не смог достичь поставленной цели. Поэтому в конце 1130 – начале 1131 г. после захвата Цаманда он “проник в Киликию, страну Левона Армянина. Он напал на крепости и захватил их. Левон был испуган. Он обещал более не вступать во владения эмира, не увозить оттуда людей и платить ежегодную дань. Эмир поверил ему и ушел. Но Левон обманул его и не дал ничего”¹⁶. Что здесь существенно? Мотивация похода – набег Левона на владения эмира, грабежи и угон пленных. Поход вновь не увенчался успехом. Рубенида не только не удалось поставить под контроль, но даже получить гарантии прекращения его дальнейших набегов. Таким образом, всплеск внешнеполитической активности Рубенидов датируется 1127–1130 гг. В той или иной степени они приняли участие в усобице в Руме, на наш взгляд, поддерживая Араби уже потому, что он был противником Данышменда, чьи владения граничили с уделом Тороса I. Успехи эмира в восточных районах Малой Азии и его стремлении к гегемонии в регионе не могли не беспокоить Рубенидов. Таковы были причины, побудившие Тороса I оказать вооруженную помощь Сельджукиду.

События 1124–1130 гг. подверглись анализу в недавней работе А.А. Бозояна¹⁷, попытавшегося дать новую их интерпретацию, кардинально расходящуюся с вышеизложенной, традиционной, восходящей еще к труду Ф. Шаландона¹⁸. Приветствуя сам факт подобной попытки, мы не можем согласиться с интерпретацией автором давно уже известной суммы фактов, имеющей вполне определенную направленность – показать, что уже в начале 20-х годов XII в. княжество Рубенидов не только участвовало в формировании международных отношений в Малой Азии наряду с Византией, Румом и эмиратом Данышмендов, но и оказывало решающее влияние на

¹⁵ Ibid. P. 223.

¹⁶ Ibid. P. 230.

¹⁷ Бозоян А.А. Восточная политика Византии и Киликия в годы правления императора Иоанна II Комнина до 1136 г. // Кавказ и Византия. Ереван, 1986. Вып. 5. С. 5–13.

¹⁸ Chalandon F. Les Comnènes. P. 82.

происходившие в регионе процессы. Так, А.А. Бозоян обнаружил образование в Малой Азии к началу 30-х годов антивизантийского союза, состоявшего из эмирата Данышмендов, Рума и “Трапезундского княжества”, который возглавил беглый брат Иоанна II Исаак Комнин. Более того, через несколько месяцев, по мнению автора, “будучи вассалом империи”, к нему присоединилось и княжество Рубенидов Киликии – “армянский князь Киликии Левон Рубенид”¹⁹. Основанием для данного построения явился обильно цитируемый труд – “Хроника” Михаила Сирийца. «Последовательное изложение событий в интересующем нас отрывке “Хроники” подсказывает нам, что князь Киликии (до похода сюда эмира Данышменда. – В.С.) выступал на стороне Византийской империи и поддерживал военные действия Иоанна II, который наступал на северные границы Данышмендидского эмирата»²⁰. Что же явилось, по мнению А.А. Бозояна, признаком наличия данного союза? “Активное вмешательство Византии и княжества Рубенидов” в усобицу 1124–1127 гг. в Руме! Но может ли та финансовая помощь, которую оказал Иоанн II Масуду, считаться “активным вмешательством”? К тому же, как известно, в это время султан был союзником эмира Данышменда. Как следствие, помощь императора султану никак не может рассматриваться как акт, направленный против эмира. Наконец, никаких военных действий против эмирата Данышмендов до 1130 г. Иоанн II не предпринимал. Следовательно, поддерживать их Рубениду не было необходимости. В то же время Торос I Рубенид (но не княжество Рубенидов!) оказал поддержку противнику Масуда Араби, исходя из собственных интересов, но не из необходимости помочь Византии, вассалом которой после 1108 г. он не являлся. Как следствие, на наш взгляд, по меньшей мере в 1124–1127 гг. ни о каком союзе Византии с Торосом I говорить не приходится и тем более нет оснований называть этот союз “армяно-византийско-тюркским”. Данная гипотеза автора основана лишь на том, что после того, как, получив поддержку Тороса I и потерпев поражение, Араби бежал в Византию. Но то, что он умер здесь, не получив помощи от Иоанна II, не свидетельствует ни о наличии союза, ни о том, что империя “склонилась на сторону” Тороса I.

А.А. Бозоян утверждает, что вследствие похода 1130 г. на Киликию эмиру Данышменду удалось “вовлечь Киликийское княжество в антивизантийский союз”²¹. Действительно, эмират был противником Византии и вскоре начались походы Иоанна II, направленные против него. Но Михаил Сириец пишет, что причиной похода Амир Гази в Киликию были набеги Левона на владения эмира, грабежи и угон пленных. Возможно, поход продемонстрировал уязвимость границ княжества Рубенидов и способствовал прекращению набегов. Но ни о каком союзе Рубенида и Данышменда Михаил Сириец не сообщает. Даже если бы князь и признал сюзеренитет эмира, это не сделало бы его участником антивизантийского союза, так как общей границы княжество и Византия после 1108 и до 1132 г. не имели, а участия в военных действиях Амир Гази против Иоанна II Левон I не принимал. А.А. Бозоян пишет, что “политическая борьба Византийской империи с Данышмендидским эмиратом освещалась в византиноведении. Однако исследователям не было известно, что в 1132–1136 гг. во время византийско-данышмендидского конфликта Киликийское армянское княжество было союзником эмирата”²². Данное утверждение не совсем корректно. Ни один из исследователей действительно не ставил вопроса о наличии данного союза, так как их и наш единственный источник не дает на это ни малейшего основания. Лишь К. Каэн полагал, что “в союзе с Данышмендом и Гаврой Левон

¹⁹ Бозоян А.А. Восточная политика Византии. С. 8.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 11.

расширил свое присутствие в Киликии”, подразумевая под этим захват Рубенидом принадлежавшей Антиохийскому княжеству Равнинной Киликии²³. А.А. Бозоян приписал данному союзу антивизантийскую направленность. Но если таковая и имела место, то лишь косвенно, так как обязавшись не нападать на владения эмира (но не выполнив этого обязательства), Левон предоставил Амир Гази свободу рук на северных границах эмирата для борьбы с Иоанном II. Но и сам князь получил возможность начать завоевание Равнинной Киликии, не опасаясь удара в спину. Этим и исчерпывался антивизантийский аспект нереализованного соглашения 1130 г.

И наконец, о роли в событиях 1130–1132 гг. брата Иоанна II севастократора Исаака. А.А. Бозоян отводит ему роль лидера антивизантийского союза, как ранее – лидера оппозиции императору, которая, “по всей вероятности, выражала интересы некоторых социальных прослоек византийского двора” и “чинила препятствия проведению активной ближневосточной политики Византии”²⁴. Но Исаак не “восстал против брата” и не “удалился из империи”, а бежал из лагеря византийской армии после провала его заговора против совершавшего малоазийский поход Иоанна II. Беглец появился у Амир Гази Данышменда, был отправлен им в Трапезунд к Константину Гавре. Но после похода в Киликию эмир обнаружил Исаака уже в Мелитене. Проведя там зиму, Исаак с сыном Иоанном оказался уже при дворе Левона I. Женившись на дочери князя, Иоанн получил от него только что отвоеванные у Антиохийского княжества Адану и Мамистру. Однако вскоре Левон отнял города и Комнины были вынуждены бежать к султану Рума Масуду²⁵. Метания Исаака вряд ли свидетельствуют о том, что он стал лидером антивизантийского союза. Комнин искал силу, способную поддержать его претензии на престол. Но складывается впечатление, что его планы нигде не принимали всерьез, что в конечном счете и вынудило его примириться с братом и возвратиться в Константинополь.

Таким образом, построения А.А.Бозояна о существовании в Малой Азии в 20-х – начале 30-х годов XII в. антивизантийского союза, в котором лидирующую роль играли то Исаак Комнин, то княжество Рубенидов, на наш взгляд, несостоятельны. Торос I в 1124–1127 гг. не был ни вассалом, ни союзником Византии, как не было “армяно-византино-тюрского союза”. Были поддержка, оказанная Араби в его борьбе за престол Торосом I и бегство его в Византию после поражения в этой борьбе. Не было и союза с Византией преемника Тороса Левона I, как не было и его перехода на сторону эмирата Данышмендов в 1130 г. Пытаясь объяснить переход Рубенида на сторону эмира на основании труда Михаила Сирийца, А.А. Бозоян пишет, что причиной этого явилось то, что Антиохийское княжество “в каждый удобный момент посягало на границы Киликийского княжества”²⁶. Но весь данный тезис несостоятелен, так как автор не называет ни одного “удобного момента”, которым воспользовалось бы Антиохийское княжество, на наш взгляд, потому, что между 1118–1130 гг. их не было. Как мы отмечали выше, в 1118 г. как союзник князя Антиохии Рожера Левон участвовал во взятии г. Азиз²⁷. В 1119 г. Рожер погиб в сражении и регентом княжества стал брат его вдовы Цицилии король Иерусалима Бодуэн II. Лишь в 1126 г., когда на восток прибыл сын первого князя Антиохии Бозмунда Тарентского Бозмунд II, король передал ему “Антиохию и всю Киликию”,

²³ См.: Cahen Cl. La Syrie du Nord au temps des croisades et le principaute franque d'Antioche. P., 1940. P. 359.

²⁴ Бозоян А.А. Восточная политика Византии. С. 8.

²⁵ Cahen Cl. Op. cit. P. 230.

²⁶ Бозоян А.А. Восточная политика Византии. С. 10.

²⁷ Между 1119–1121 гг. город был передан графству Эдесскому как приданое сестры Рожера Марии, выданной замуж за Жослена I де Куртене. Ранее ее руки просил один из сыновей (?) Иоанна II. Ср.: Там же. с. 13.

как пишет армянский хронист Маттэос Урхайеци²⁸. Между 1119–1126 гг. никаких военных действий против уделов Рубенидов Антиохийское княжество не вело, так как это некому было делать: в Тарсе и Мамистре правила, получив их во вдовью часть, Цицилия. Боземунд II вторгся на территорию княжества Рубенидов лишь после того, как вследствие объединения уделов оно стало опасным соседом Антиохии, и погиб здесь. Показательно, что опасения князя тотчас же подтвердились. Сразу же после его гибели Левон I отвоевал у Антиохийского княжества Равнинную Киликию, используя для этого “удобный момент” – борьбу за регентство в княжестве.

Как следствие, на наш взгляд, попытка пересмотра традиции на основе существующей суммы фактов лишь запутала вопрос, что объясняется стремлением автора зачастую вопреки фактам представить княжество Рубенидов не только активным участником борьбы за гегемонию в Малой Азии наряду с Византией, Румом и эмиратом Данышмендов, но и участником, формирующим международные отношения в регионе, на что оно до начала 30-х годов XII в. не было способно.

²⁸ Маттэос Урхайеци. С. 366.